

Дао Гуйчжоу опустил взгляд и долго придирчиво рассматривал вещицу, пока наконец с трудом не разглядел на рукояти меча синеватый нефрит размером с голубиное яйцо.

— Это... меч твоего младшего дяди-наставника И Цина, — с сокрушением произнес он. — И чего это он до сих пор не явился, подумалось мне, а оказывается, его уже давно кто-то утащил. Этот его меч... Старший брат лично выковал для него, и этот нефрит старший брат тоже специально ездил на запад разыскивать. Если он узнает, что его сокровище превратилось в кусок угля...

Дао Гуйчжоу мгновенно мысленно представил картину, как И Цин устраивает грандиозный скандал в городе Линьси.

Цзы Мин слегка удивился:

— Его выковал младший дядя-наставник Юэ Цин?

Обычно духовные мечи выковывают наставники. На Горе Линшань и вовсе придерживаются правила «один меч на всю жизнь», и второе оружие начинают ковать лишь в том случае, если клинок сломался.

Но поломка меча — вещь на Горе Линшань крайне редкая. В конце концов, тамошняя философия культивации строится на принципе «меч жив — и я жив».

Это не какое-то юношеское позерство, а прямая закономерность, обусловленная техниками практики: если меч ломается, духовная душа его хозяина неизбежно получает повреждения, а в тяжелых случаях человек может и вовсе лишиться рассудка или навсегда утратить возможность идти по этому пути.

Меч самого Цзы Мина выковал его наставник Юй Цин.

Впрочем, исключение составлял не только И Цин, но и сам Дао Гуйчжоу.

Его меч тоже был выкован Юй Цинем.

Будучи столпом праведного пути и единственным на весь мир обладателем Стадии Превращения Божества, Юй Цин за всю свою жизнь выковал всего три меча.

Заметив удивление Цзы Мина, Дао Гуйчжоу с некоторым чувством вины кашлянул:

— Старший брат И Цин поступил в ученики примерно в то же время, что и я... Тогда наставнику вечно приходилось хлопотать из-за меня, он так изводился, поэтому...

Лучше не спрашивать.

Стоит спросить — и выяснится, что он просто отнял у И Цина всю отцовскую любовь.

Стоит спросить — и выяснится, что он тот самый ненавистный ребенок в глазах старших, которому достается больше всего баловства.

Но, к счастью, сам И Цин вовсе не возражал.

Напротив, он очень дорожил мечом, выкованным для него Юэ Цином.

Но теперь этот меч...

Дао Гуйчжоу мысленно поставил покойному свечку.

Цзы Мин же задумчиво слегка кивнул, показывая, что всё понял.

Дао Гуйчжоу не стал вдаваться в подробности того, что именно тот понял, а лишь поднял голову и спросил:

— Мой старший брат у вас в руках? Вы хотите, чтобы мы пошли с вами?

Кивнув, тот, однако, ничего не ответил.

Дао Гуйчжоу жестом велел Цзы Мину убрать меч:

— Пойдемте, взглянем, чего ради этот человек затеял всё это.

.

— Поговорим нормально! Не подходи ко мне близко!

Едва Дао Гуйчжоу и Цзы Мин вслед за спутницей ступили на землю, как до них донесся полный гнева и легкой паники голос И Цина:

— Держись от меня подальше! Просто стой там! Там! У ширмы! Лучше встань позади ширмы!

Услышав этот полный жизненных сил грозный рек, Дао Гуйчжоу немного успокоился.

Увидев духовный меч И Цина, похожий на кусок обугленного угля, Дао Гуйчжоу уж было испугался, что сам хозяин разделит участь своего оружия.

Шагнув в дом, они увидели, что И Цин вжался в дверь, а напротив него, по другую сторону стола, стояла женщина.

Она была писаной красавицей в алом платье, яркой и пылающей, как огонь, что добавляло нотку ослепительной живости этой ночи.

Женщина обиженно посмотрела на И Цина:

— Бессмертный старейшина... Если я отойду еще дальше, это будет уже просто неприлично.

Взгляд И Цина упал на Дао Гуйчжоу, и он, ухватившись за него как за спасительную соломинку, спрятался у того за спиной:

— Так тоже сойдет.

Дао Гуйчжоу: — ...

С бесстрастным лицом он посмотрел на своего грозного по природе старшего брата:

— Старший брат, когда уже пройдет твоя боязнь женщин?

— Кто тут боится женщин?! — без малейших колебаний выпалил И Цин. — Это соблюдение приличий между мужчиной и женщиной! Это правила этикета!

Дао Гуйчжоу: — ...Ладно, раз ты старший брат, тебе виднее.

Он вздохнул, повернулся к женщине и спросил:

— Это вы, барышня, пригласили нас сюда?

Женщина кивнула:

— Я... А Жун ведь не причинил вам вреда?

А Жун?

На лице Дао Гуйчжоу медленно прорисовался гигантский вопросительный знак.

В этот момент стоявший за их спинами силуэт суетливо замахал руками, и вслед за этим движением прямо на них устремились сгустки пламени.

У Дао Гуйчжоу дернулся глаз, но прежде чем он успел что-либо предпринять, Цзы Мин первым выхватил меч и отразил удар, а И Цин взмахом духовной энергии поднял ветер, который раметал пламя на мелкие искры, бесследно растворив их в ночном воздухе.

Цзы Мин заслонил Дао Гуйчжоу спиной, грубо вклинившись между ним и И Цзином. То, с каким защитным жестом он его прикрыл, на мгновение заставило Дао Гуйчжоу остолбенеть.

— А Жун, — с некоторой тревогой произнесла женщина, — вернись-ка пока... Не стоит тебе так...

Видя, что ей трудно подобрать слова, Дао Гуйчжоу вежливо подсказал:

— Пожалуй, мы все просто сгорим дотла.

Женщина: — ...Верно.

Услышав ее согласие, то нечто, что до этого мгновения неподвижно стояло на месте, погасило охватившее его пламя и, обратившись крошечной красной бусиной, упало прямо на ладонь хозяйке.

Женщина убрала бусину в мешочек для благовоний на поясе, после чего сложила руки в приветственном жесте перед всеми тремя:

— Прошу прощения, три бессмертных небожителя.

Позвать вас сюда столь необычным способом — вынужденная мера... но я хочу попросить вас об одном одолжении.

Она с глухим стуком опустилась на колени, отвесила поклон и больше не поднималась:

— Помогите мне вернуть к жизни двух человек.

.

Оковы

В комнате мгновенно воцарилась тишина.

И Цин, стоя за спиной Дао Гуйчжоу и Цзы Мина, нахмурился:

— Кто это вам сказал, будто мы владеем воскрешением?

В мире этой книги почти каждый знает о существовании заклинателей и о том, что по земле бродят демоны и нечисть.

И земли, известные нынче людям, строго поделены на сферы влияния.

Дело тут вовсе не в том, что кто-то провозгласил себя царем горы: просто каждая секта отвечает за порядок на определенной мирской территории, искореняя причиняющую вред нечисть.

Город Линьси находился в ведении Горы Линшань, и они явились сюда именно потому, что кто-то из местных передал свиток в Зал Небесного Слуха, откуда весть поступила во внутренние секторы Линшани, после чего их и отправили на разведку.

То место, где Дао Гуйчжоу незадолго до этого встретился с женихом, располагалось на стыке земель Горы Линшань и Горы Луюнь, но подобные участки на деле тоже полностью контролировались Линшанью.

Будучи сильнейшей сектой в нынешнем мире, Гора Линшань привыкла взваливать на себя абсолютно всё, а остальные секты вовсе не возражали.

В конце концов, всю грязную работу выполняли они, а почести и всеобщее восхищение все равно доставались им же — так почему бы и нет?

И хотя другие секты не были против того, чтобы Линшань сувала нос в чужие дела, сама Линшань не слишком жаловала чужаков на своей территории.

Не то чтобы являться туда строго запрещалось — просто не положено совать нос в чужие дела.

Именно поэтому, заметив в том пустом оплоте чужую формацию Даосского Храма Сюаньтянь, Дао Гуйчжоу был так сильно удивлен.

Теперь же Дао Гуйчжоу изумился еще сильнее:

— Девушка, с чего вы вообще взяли, будто мы владеем неким искусством воскрешения?

Он не удержался от реплики:

— Если бы на Горе Линшань и впрямь существовала подобная тайная техника... то в мире не было бы столько разбитых сердец.

— Вам кто-то об этом сказал? — холодно глядя на нее, спросил И Цин. — Кто?

Женщина подняла на них взгляд, уголки ее глаз покраснели, а в глазах стояли слезы:

— Никто мне ничего не говорил... Просто я подумала, что раз вы, бессмертные старейшины, стоите выше мира смертных, то вам наверняка подвластны чудесные искусства.

Дао Гуйчжоу вздохнул:

— Мертвых не вернуть к жизни, барышня, поднимитесь-ка для начала.

Женщина не шелохнулась. Она по-прежнему стояла на коленях, крепко вцепившись пальцами в юбку:

— Вы... просто не хотите мне помогать, да?

В ее словах прозвучала зловещая нотка, и у Дао Гуйчжоу от этого зрелища дико задергался глаз.

Судя по многолетнему опыту Дао Гуйчжоу, это был предвестник перехода персонажа на темную сторону.

Да ладно тебе, господин офицер!

А он-то еще думал, что у него просто невероятно прет удача и ему попался адекватный, договороспособный человек.

[Каких же заблуждений ты придерживаешься насчет собственной черноты?]

Дао Гуйчжоу: Поверь мне, в словесных баталиях мне нет равных во всем мире.

Дао Гуйчжоу только собрался заговорить, как Цзы Мин, до этого хранивший молчание, неожиданно повернул голову.

Дао Гуйчжоу почти рефлексивно отвел взгляд, устремив его на лицо молодого человека, а не в

глаза.

Только слышался тихий смешок Цзы Мина. Тон его оставался мягким, а голос — едва слышным:

— Младший дядя-наставник, по-моему... тебе лучше вообще ничего не говорить.

Он добавил:

— Учитывая твою недавнюю «деликатность».

Дао Гуйчжоу: — ? Ты во мне сомневаешься?

Цзы Мин невинно моргнул и отступил на шаг:

— Нисколько.

Улыбка в его глазах походила на крошечные искорки звезд: пусть и тусклые, но невероятно яркие.

— Прошу вас.

Только тогда Дао Гуйчжоу остался доволен.

И Цин перевел взгляд на них обоих и слегка нахмурился.

Дао Гуйчжоу: — Барышня, сперва скажите мне, кого именно вы хотите вернуть к жизни?

Если следовать нормальному сюжету, оживлять обычно положено кого-то одного.

Разве все эти сценарии не строятся по принципу: «Я готова отдать собственную жизнь, лишь бы он жил на этом свете, потому что я люблю его, у-у-у»?

Но эта девица заявила сразу о двоих, буквально воплотив в жизнь выражение сидеть на двух стульях.

Женщина закусила нижнюю губу:

— Моего старшего брата и одного учителя.

Дао Гуйчжоу: — ? Чего?

Старшего брата еще можно понять.

Сестрицын синдром старшего брата — штука не только современная.

Дао Гуйчжоу никогда не сомневался в величии семейной любви.

Например, в его отношениях с Цзы Мином (?)

Но какой еще учитель?

Мм???

Это что же, семейные узы и романтика в одном флаконе?

Дао Гуйчжоу с опаской покосился на девушку:

— Барышня, позвольте полюбопытствовать, сколько вам лет?

Женщина на миг замерла, опуская взгляд на собственные руки:

— ...Я не помню.

Ладно.

Подобные фразы обычно изрекают тысячелетние демоны.

И пусть Дао Гуйчжоу понятия не имел, почему от этой женщины не исходило ни малейшего намека на призрачную ауру, с самого порога он чувствовал: перед ним далеко не обычный человек.

Заметили ли это И Цин с Цзы Мином, он не знал, но сам он ощущал отчетливо.

Слабая духовная ци, окутывавшая девушку... была чиста до жути.

Не похожая на их собственную духовную энергию, несущую в себе черты Инь и Ян и тяготеющую к природным стихиям, та энергия, что исходила от женщины, скорее являлась не духовной силой, а самой изначальной «духовной ци».

Да и та красная бусина — очевидно, какое-то духовное сокровище, судя по всему, рожденное самой самой природой, — вела себя рядом с хозяйкой донельзя послушно. Как ни посмотри, всё здесь выглядело крайне необычно.

Дао Гуйчжоу тяжело вздохнул.

Похоже, его черная полоса достигла такого грандиозного масштаба, что он теперь притягивал не просто зловещую нечисть, а вообще черт пойми каких существ, про которых даже неизвестно, можно ли их убить.

Дао Гуйчжоу одолевали глубокие сомнения: Ты вообще уверен, что я — само воплощение Небесного Пути? С такой-то удачей я, пожалуй, реинкарнация Бога Неудач.

[Если уж ты заговорил об этом, то у меня действительно нет никаких улик, чтобы доказать обратное.]

Дао Гуйчжоу: ...

У него на языке вертелась пара ласковых.

Но ради сохранения дружеских отношений со своим товарищем по болтовне он решил пока сдержаться.

— Барышня, мертвых не вернуть к жизни, — с максимально искренним и правдивым, как ему казалось, выражением произнес Дао Гуйчжоу. — Даже мы не обладаем подобной силой. К тому же, даже если бы она у нас была, действия, идущие вразрез с законами мироздания и Небесного Пути, вызовут лишь еще большее сожаление.

Женщина холодно посмотрела на него:

— Со мной такого не будет.

Дао Гуйчжоу среагировал почти рефлексивно:

— Практически каждый, кто утверждает подобное, впоследствии непременно горько раскаивается. И не просто раскаивается — а натворит таких бед, что мало не покажется.

Сама идея воскрешения была полнейшей чушью.

Женщина сжала свой мешочек для благовоний так, что побелели костяшки:

— Значит, все вы, бессмертные старейшины, тоже считаете, что мой брат и учитель заслужили смерть...

Она опустила ресницы, и ее голос прозвучал с пугающим холодом:

— И что они должны были дотла сгореть в том пожаре.

Дао Гуйчжоу: — ?

Разве он это имел в виду?

Не веря в происходящее, Дао Гуйчжоу искренне считал, что его ораторское мастерство на высте высоты:

— Послушайте, барышня, смотрите на вещи проще. Все люди смертны, и даже нам в конце концов придется столкнуться с моментом гибели — вы не исключение.

Он выдержал паузу и мягко добавил:

— К тому же, судя по тому, что вы живете на свете уже немало лет, да и глядя на тот пустой особняк, ваш брат с учителем покинули этот мир добрый десяток, а то и несколько десятков лет назад. Даже если сюда явятся заклинатели с Горы Луюнь, им уже не вернуть эти души.

[...Ты...]

Дао Гуйчжоу мягко улыбнулся: Разве это не прекрасная терапия?

[...Ты серьезно?]

Дао Гуйчжоу: — ? Ты во мне сомневаешься?

[...Зачем ты усложняешь жизнь своему старшему брату и своему сыночку?]

Дао Гуйчжоу: — ?

Не успел Дао Гуйчжоу мысленно задать этот вопрос, как мешочек в руке девушки легонько завибрировал, и наружу вырвался сгусток пламени.

Одновременно с этим раздался звонкий детский голосочек:

— Как вы смеете доводить Вань Вань до слез!

Дао Гуйчжоу успел лишь вскинуть руки, как Цзы Мин резко дернул его на себя, пряча за спину, в то время как Осколок Звёзд в его руке издал звенящий гул и слегка завибрировал.

И Цин тоже не собирался отставать: они вдвое преградили путь нападающему, и багрово-красная духовная энергия, смешиваясь с бирюзовой, надёжно заслонила их от этой небывалой волны огня.

Искры брызнули в стороны, но тут же погасли, не успев ничего задеть.

Лишь теперь Дао Гуйчжоу задним умом сообразил, что этот уединенный маленький дворик был выстроен из особых материалов, способных противостоять огню.

Протянув руку назад, И Цин потребовал:

— Тяньцин, мой меч!

Дао Гуйчжоу нашарил на поясе пространственный мешок:

— ...Старший брат, ради мира во всем мире я искренне советую тебе на него не смотреть.

И Цин: — ? Что ты сделал с моим мечом?

Дао Гуйчжоу: — Об этом тебе лучше спросить вон того ребенка перед тобой, который только и умеет, что извергать пламя, едва открыв рот.

Он извлек на свет почерневший от огня меч И Цина:

— Старший брат, прошу.

И Цин взглянул на него, и в тишине отчетливо зазвучал хруст сжатых кулаков.

Цзы Мин же по-прежнему сохранял невозмутимый вид. Он перевел взгляд то на девушку с огненным малышом, то на И Цина с его мечом, а затем на Дао Гуйчжоу, который, имея самые мирные намерения помирить стороны, почему-то с безумным энтузиазмом подливал масла в огонь.

Стиснув рукоять собственного меча, он смотрел на происходящее с легкой улыбкой и каплей беспомощности во взгляде, в которой, впрочем, читалось бесконечное баловство и снисхождение.

— Сейчас я даю вам два выбора, — раздался звонкий голос огненного малыша, за которым последовала новая стена бушующего пламени.

Цзы Мин и И Цин практически одновременно развернулись, отбивая атаку. Дао Гуйчжоу почесал в затылке, совершенно не понимая, почему эти двое так упорно его защищают.

Ведь он... вообще-то был единственным, кто лучше всех умел умирять этого огненного малыша.

Огненный малыш: — Либо вы все вместе с жителями этого города обращаетесь в пепел, либо возвращаете их к жизни.

Дао Гуйчжоу: — ...Честно говоря, хотя превращаться в пепел нам совсем не улыбается, второе условие нам вовсе не под силу... Эта штука действительно невыполнима! Прошло столько лет, души давно рассеялись...

[...Ты хоть раз в жизни можешь замолчать, или ты непременно хочешь сдохнуть?]

Дао Гуйчжоу не стал отвечать системе.

Потому что у него просто не осталось на это времени.

Едва его слова затихли, как на них обрушилась еще более ужасающая волна жара.

Опаляющая температура охватила всех троих, Дао Гуйчжоу успел лишь схватить Цзы Мина за руку, как из него бурно хлынула духовная энергия.

Небесно-голубое сияние, обладающее свойствами воды, окутало их обоих. Обернувшись на И Цина, Дао Гуйчжоу увидел, что того уже давным-давно смело мощной ударной волной жара.

Впрочем, сам он тоже едва справлялся: Дао Гуйчжоу чувствовал, как невыносимый жар подбирается к его коже, после чего сознание окончательно покинуло его.

Уже засыпая, Дао Гуйчжоу успел заметить, как Цзы Мин крепко обхватил его за талию.

В голове Дао Гуйчжоу мелькнула лишь одна мысль.

Неужели разница в уровнях культивации порождает столь колоссальную пропасть в силе?

.

Когда Дао Гуйчжоу снова открыл глаза, он обнаружил, что находится в объятиях Цзы Мина.

Знакомое тепло окутывало его, на мгновение принося успокоение.

Но лишь на мгновение.

Он резко распахнул глаза и сообразил, что их с Цзы Мином поза вовсе не напоминает ту, что подобает старшему и младшему в клане.

Как бы это сказать... В общем, не то чтобы совсем нельзя, но позиции оказались слегка перепутаны.

Цзы Мин сидел, прислонившись спиной к холодной стене, а на его коленях устроился он сам.

Одна нога парня была согнута в колене, а вторая полукольцом охватывала его сбоку. Дао Гуйчжоу сидел прямо на его бедрах, тесно прижавшись всем телом, а его голова уткнулась Цзы Мину в ключицу — стоило лишь чуть приподнять или повернуть ее, и можно было сразу поцеловать.

Рассматривая лицо Цзы Мина с такого ничтожно малого расстояния, Дао Гуйчжоу оказался застигнут врасплох сокрушительным ударом этой безупречной красоты.

Шкала его здоровья стремительно падала, но он боялся даже моргнуть.

Его собственный младший ученик был просто неописуемо хорош собой!

Однако...

Дао Гуйчжоу шевельнулся и тут же обнаружил, что его онемевшее тело по-прежнему крепко обнимает одна рука Цзы Мина.

Что же до второй руки...

Дао Гуйчжоу скосил глаза на то, что сковывало его запястье вместе с рукой Цзы Мина.

Эта штуковина была покрыта какими-то рунами, и хотя духовная энергия внутри него не была полностью запечатана, текла она крайне вяло.

Но они и так были бессильны против огненного малыша, а теперь еще и лишены свободы маневра...

[Прохладная ночная мгла превращает тоску по тебе в бурные реки~]

Дао Гуйчжоу: ...Тебя что, взрывной волной не разорвало на куски?

[Благодарю за беспокойство, но сейчас, пожалуй, тебе стоит побеспокоиться о собственной шкуре.]

Дао Гуйчжоу: Да со мной всё в полном порядке, мне вообще не нужно...

Его внутренний монолог резко оборвался.

Потому что Цзы Мин внезапно шевельнулся.

Парень, казалось, бессознательно подался вперед, буквально заваливая Дао Гуйчжоу на землю.

В этот же миг их поза изменилась.

Теперь уже голова самого Цзы Мина уткнулась Дао Гуйчжоу в шею.

<http://bllate.org/book/19500/1912541>